

О Т З Ы В

официального оппонента о диссертации Харабаевой Виктории Ивановны
«Функционально-семантическая категория персональности в якутском языке»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 10.02.02 – «Языки народов Российской Федерации (якутский язык)».

Якутск, 2015

Диссертация Виктории Ивановны Харабаевой встраивается в рамки теории о структурной организации отношений между языковыми единицами (парадигматическое толкование), рассматривающей единицы языка как элементы системы. Диссертация расширяет круг немногочисленных исследований, касающихся одного из объектов грамматики – категории персональности –, не только в якутском, но и в других языках Сибири.

Для описания выбран полевой подход, что позволяет создать комплексное представление об исследуемом участке языковой системы. В рамках избранного подхода описание средств выражения категории персональности исходит из посыла о системе соответствий между смыслами, оставляющими содержание речи, и внешними формами выражения этих смыслов. Анализ материала осуществляется в двух направлениях: от семантики к формам ее выражения и от форм к семантике. Описание «от смысла к форме», как об этом сказано в известной работе А.В. Бондарко [1991: 7], моделирует ведущую сторону деятельности говорящего, но существенные аспекты его мыслительно-речевой деятельности требуют объединения указанного направления с противоположным направлением описания, исходящим от формы. В результате, более полно деятельность говорящего фиксируется описанием, в котором в процессе анализа языкового материала постоянно чередуются оба направления. Такой подход определил структуру рецензируемого диссертационного исследования.

Актуальность данной диссертационной работы предопределена с одной стороны большим интересом ученых к данной тематике, с другой стороны ее неразработанностью на материале якутского языка.

Диссертация Виктории Ивановны вносит свой вклад в науку, вводя **новый** объективный материал по якутскому языку, данные которого важны для изучения взаимодействия и взаимовлияния языков различных семей сибирского ареала, путей формирования лингвистического ландшафта Сибири и сопредельных регионов. Вполне своевременно и актуально обращение автора обсуждаемой диссертации к одной из важных проблем якутской грамматики – описанию категории лица (персональности) – многоаспектный и многоуровневый характер которой определен универсальностью данной категории, ее языковыми и коммуникативно-речевыми особенностями и предполагает множество способов выражения значений.

На описание языковых фактов, учитывающих морфологические и иные способы выражения значений и направлено данное диссертационное исследование.

Диссертация В.И. Харабаевой содержит необходимые разделы: введение, три главы, заключение, список использованной литературы (169 источников) и список сокращений. Объем диссертации составляет 189 страниц.

В соответствии с поставленной в работе целью выявления и описания разноуровневых средств выражения ФСК персональности на материале якутского языка, определяется

круг задач, для решения которых анализировался материал из произведений якутской литературы, якутского фольклора и периодической печати.

Хочу заметить, что не стоит формулировать как задачу «обзор и краткое изложение истории исследования..., обзор различных теоретических подходов» (с. 6 дисс.). Это общее и обязательное условие для написания любой диссертации, его теоретическая база, но не задача и предмет Вашего исследования.

Исследование В.И. Харабаевой написано в русле традиционных лингвистических направлений. В диссертации использован комплексный подход к реализации цели и решению задач исследования: выборка и лингвистическое описание с применением элементов классификации и систематизации, метод полевого структурирования для установления центра и периферии ФСП персональности, структурно-семантический метод для выявления парадигматических и синтагматических отношений в системе личных форм. Элементы дистрибутивного и контекстуального анализа послужили для выявления характерных особенностей функционирования и закономерностей употребления средств выражения персональности в якутском языке. Качество привлеченного к анализу материала, система собственно лингвистических методов и приемов представляются адекватными намеченной цели работы.

Работа интересна в теоретическом и методологическом плане, результаты исследования найдут практическое применение – при использовании данных якутского языка в преподавании, при разработке учебных пособий по грамматике якутского языка.

Диссидент хорошо владеет материалом, разбирается в излагаемых вопросах, так что в итоге представлена детально прописанная картина категории персональности в якутском языке.

Во Введении и первой главе формулируются цели, задачи, методологическая и теоретическая база исследования.

На защиту вынесен ряд положений, в комплексе создающих представление о ФСП персональности и его функционировании в якутском языке, их доказательству посвящены вторая и третья главы.

В первой главе «Теоретические предпосылки исследования» дан обзор работ, посвященных истории исследования категории персональности в русистике, общей тюркологии и якутском языке, рассматриваются общетеоретические проблемы данной категории. С опорой на классические труды тюркологов, Виктория Ивановна представляет различные мнения как на саму категорию персональности, так и на средства выражения лица в разных тюркских языках европейской России, Средней Азии. К сожалению, сибирские языки, тюркские и не только, выпадают из поля зрения диссидентки. Повезло даже португальскому языку, в котором, как сказано на с. 45 диссертации, «наблюдается наличие личного инфинитива – неличной, т.е. не финитной формы с личными окончаниями». Интересно было бы узнать, а как обстоят дела персональностью и посессивностью, например, в эвенском языке, изучению которой посвящена работа [Шарина 2001]; есть наблюдения по данной проблематике по бурятскому, тувинскому и др. языкам, изложенные в монографиях новосибирских лингвистов.

Вторая глава «Ядерные средства выражения функционально-семантической категории персональности в якутском языке» отражает наблюдения диссидентки над морфологическими средствами выражения грамматического лица в глагольных и именных формах.

На с. 62 дисс. автор отмечает «Если в предложении отсутствует подлежащее, личная форма глагола всегда указывает на грамматический субъект». Деятель эксплицируется с помощью личного местоимения.

По моим наблюдениям, в тувинском языке оформление аффиксами грамматического лица тоже является обязательным условием. Но допускается и двойное выражение лица субъекта действия в ППК (отдельно выраженное подлежащее + морфологический показатель лица). Такое же явление отмечает Л.М. Бродская для эвенкийского языка [1988: 9], Е.К. Скрибник для бурятского языка [1988: 30]. Вопрос: Допустимо ли такое двойное выражение лица субъекта действия в якутском языке?

Вызывает удивление рассуждение о предикативном склонении причастий в работах новосибирских лингвистов (с. 93 дисс.), где Виктория Ивановна неверно ссылается на с. 231 монографии «Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем» [Новосибирск, 1986] в определении моносубъектных и бисубъектных ППК. На данной странице ничего о моносубъектности не говорится.

Интересно наблюдение В.И. Хараевой, касающееся средств выражения подлежащих зависимых предложений: она отмечает, что в якутском языке «в роли подлежащего выступает действие (или состояние), которое производит (или в котором находится) субъект зависимого предложения-подлежащего, выраженного причастием с аффиксом притяжательности без падежного склонения» (с. 94 дисс.).

Вопрос: все ли причастия якутского языка могут формировать зависимое сказуемое таких предложений?

Это явление находит параллель в тувинском и ряде других языков Сибири [Предикативное склонение причастий 1984: 123]. Сравним якутское:

Ол сайын ааспымт+а ыраатта (ЭЭ ТА I, 84) 'Давно прошло то лето (букв. То, что прошло то лето, было давно.'

В тувинском также в позиции подлежащего может стоять предикативное имя оцениваемого события, например: *Быштак, боорзак, эт чил тур=ган=ы эки* 'Сыр, боорсаки, мясо есть – (то) хорошо'. Сказуемое выражается грамматикализованной аналитической конструкцией, представляющей сочетание причастия, оформленного посессивными аффиксами и модусным предикатом, выражющим какую-либо оценку.

В пункте 1.4. (с. 96-97 дисс.), посвященном описанию категории лица в аналитических глагольных конструкциях, подробно описываются морфолого-синтаксические способы ее выражения. Особый интерес представляет тот факт, что в современном якутском языке, как об этом сказано на с. 100-101 диссертации, наблюдается тенденция к дальнейшему пополнению таких конструкций, которые создаются на базе новых типов и моделей сочетаний причастий с разными составляющими. Убедительно продемонстрированы возможные модели таких аналитических образований.

Примечательно рассуждение В.И. Хараевой о личных и лично-возвратных местоимениях как основных дейтических элементах поля персональности, в которых может кодироваться разнообразная информация, способствующая идентификации референтов предложения.

Автор отмечает, что в аналитических конструкциях деепричастного или причастного типа, вторым компонентом которых выступают вспомогательные глаголы, модальные частицы, модальные слова, лицо деятеля эксплицировано в аффиксах сказуемости и принадлежности, прикрепляемых к одному из этих компонентов (с. 129 дисс.). Хотелось бы уточнить, к какому именно компоненту? Что имеется в виду? Первый компонент АК или второй?

Третья глава «Периферийные средства выражения функционально-семантической категории персональности в якутском языке» знакомит нас с разноуровневыми средствами, имеющими непосредственное отношение к выражению значений лица. К ним автор относит морфологические и часть лексико-морфологических средств, обслуживающих пространство ближней периферии ФСП персональности (местоимения и имена существительные в косвенных падежах и ряд других), а также лексемы, персональное значение которых проявляется только в переносном употреблении (*kihi* ‘человек’ и в разговорной речи лексему *soroх* ‘некоторый, иной’).

Интересными представляются мне наблюдения автора за ситуациями, в которых актуализация высказывания осуществляется без опоры на грамматические средства выражения персональности и связана с особой ролью некоторых синтаксических структур, предполагающих позицию субъекта, которая может быть замещена только личным местоимением 1-го лица (с. 146 дисс.).

Автор включается в дискуссионную проблему о внесении форм безличности, бессубъектности в круг решаемого вопроса, подтверждает на якутских примерах и соглашается «с точкой зрения исследователей», допуская «включение глаголов в особом безличном или бессубъектном употреблении в рамках грамматической категории лица» (с. 164 дисс.).

Виктория Ивановна показала, что наряду с наличием общего в реализации категории персональности с другими тюркскими языками, в якутском существуют отличия и особенности выражения этой категории, обусловленные тем, что естественные языки представляют собой коды культуры, которые по-разному отражают и структурируют окружающий мир. Изучение способов и средств выражения категории персональности позволяет глубоко исследовать особенности национальной языковой картины мира в разных языках, выявить их сходства и различия.

Давая в целом положительную оценку диссертационному исследованию В.И. Харабаевой, не могу не сделать ряд общих замечаний.

Обратимся к положениям, выносимым на защиту.

1. Все положения слишком формализованы и скрывают конкретные наблюдения автора, которые в диссертации **есть**. Они отмечены на с.101, здесь Виктория Ивановна, в подтверждение мысли Е.И. Коркиной о том, что список свободных сочетаний причастных форм с модальными частицами имеет тенденцию к дальнейшему пополнению за счет создания новых типов и моделей сочетаний с модальным значением, представляет 13 **новых** моделей аналитических личных конструкций.

На с. 129 диссертации формулируется авторское наблюдение о 6 случаях обязательного с грамматической точки зрения употребления личных местоимений в предложениях, в которых сказуемое не выражено финитной формой (именной, глагольной) или деепричастием с личным аффиксом.

На мой взгляд, такие выводы должны быть сформулированы в качестве положений, которые диссертант защищает как конкретный результат проведенного исследования.

2. К структурной недоработке по главам отношу несоответствие заголовков в тексте диссертации оглавлению диссертации. Так в первой главе появляются озаглавленные подпараграфы, которых нет в оглавлении (см. с.35, 44,51,54 дисс. и след.).

Это же замечание относится и к главе 2, в которой параграф § 1 разбит на 4 подпараграфа, с последующим делением внутри. Думаю, что подзаголовки второго порядка, вынесенные в оглавление, структурировали бы работу и помогли читателю (который знакомится с работой по оглавлению) ее оценить и понять. Облегчило бы восприятие материала и структурировало бы работу глоссирование и нумерация

примеров. А для сопоставительного и типологического анализа, на мой взгляд, недостает данных об объеме привлеченного к анализу материала. Такие сведения облегчили бы оценку репрезентативной базы материала, с точки зрения ее достоверности.

3. В работе присутствуют смелые утверждения автора, экстраполируемые на тюркские языки вообще (утверждения типа: «как и в других тюркских языках» см. с. 63, 66, 88, 130 и др. дисс.), не указывая конкретно, в каких...). Хотелось бы в этой связи процитировать М.И. Черемисину, на статью которой ссылается Виктория Ивановна: «О тюркских языках нельзя говорить «в целом», они в этом отношении весьма неоднородны» [Черемисина 1984: 31].

На с. 104 дисс. видим утверждение, что «В чукотско-корякских, самодийских и тюркских языках наблюдается принятие глаголами и именами одного и того же личного показателя в настоящем (неопределенном) времени, что превращает имена в предикаты, которые в предложении функционируют только как сказуемое». Хотелось бы также видеть ссылку на конкретные работы по названным языкам. Ведь не Вы получили такие выводы.

На с. 113-114 дисс. читаем следующее: «Также интересен тот факт, что в тувинском языке личные местоимения при именных сказуемых до сих пор не перешли в разряд аффиксов и сохранили за собой звуковой состав, не имеют никаких фонетических вариантов. Ср.: *Мен студент мен 'Я студент'* [Гаджиахмедов, 1998: 29]», что является повторением текста с. 105 дисс. Разница только в ссылке на с. 114 ссылка на одного из 3 авторов, указанных на с. 104, – Гаджиахмедов, 1998.

4. Встречаются стилистические погрешности и неточности в использовании библиографического аппарата. См. текст с. 128 дисс.: «они, заменяя определенно-личные значения, могут соотнести факт сообщения к адресанту, адресату и лицу, не участвующему в акте речи». Думаю, следует сказать так: могут соотнести факт сообщения с адресантом, адресатом и лицом...

На с. 94 дисс. не совсем точно цитируется Е. И. Убяярова, к тому же, без указания номера страницы. Виктория Ивановна пишет: «Предикативные члены со значением субъекта Е. И. Убяярова назвала *подлежащими зависимыми предикативными единицами*, которые в составе полипредикативной конструкции выступают в роли подлежащего по отношению к сказуемому главной части [Убяярова, 1976]». Хочу заметить, что термины «полипредикативная конструкция», «зависимая предикативная единица» Е.И. Убяяровы не использовала в своем исследовании. В названной работе Е.И. Убяяровой, на которую ссылается докторант, сказано: «подлежащее зависимое предложение...» [Убяярова 1976: 233].

Заметны слишком длинные цитаты без кавычек (см., например, с. 48-49 дисс.: Говоря о том, что семантика персональности....).

Возвращаясь к характеристике диссертации в целом, должна сказать, что Виктория Ивановна Харабаева в ходе своего исследования решила поставленные задачи и достигла цели – осуществила описание ФСК персональности, выявив и систематизировав на материале якутского языка средства выражения данной категории в рамках ФСП.

К числу значимых результатов исследования, с моей точки зрения, относятся следующие:

1. В научный оборот введен новый материал, он теоретически осмыслен и непротиворечиво систематизирован.

2. В.И. Харабаева предложила свои решения, выработала свое представление о предмете и объекте исследования – ФСК персональности и средствах ее выражения в якутском языке.

3. Виктории Ивановне удалось показать, что универсальная категория персональности в якутском языке имеет свои национально-специфические особенности выражения, проявляющиеся в безличных конструкциях, инфинитивных и залоговых глагольных формах, некоторых именных группах.

4. Главный же вывод, сделанный докторанткой, состоит в том, что особенности категории персональности «проявляются на всех уровнях грамматического строя якутского языка – в морфологии, синтаксисе, лексике» (дис. с. 165). Такие выводы получены автором в результате тщательного анализа материала в соответствии с задачами, которые она перед собой ставила.

Диссертация В. И. Харабаевой представляет собой самостоятельное, законченное исследование на актуальную тему, характеризующуюся новизной, теоретической и практической значимостью; полученные научные результаты сформулированы в виде положений, которые предложены для публичной защиты. Результаты работы В. И. Харабаевой найдут применение в практике преподавания родного языка, в дальнейших филологических изысканиях.

Автореферат диссертации адекватно отражает ее содержание. Полученные результаты отражены в 11 публикациях, из них 5 статей – в рецензируемых научных изданиях.

Диссертация «Функционально-семантическое категория персональности в якутском языке», является научно-квалификационной работой, которая соответствует критериям, установленным пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842», а её автор Виктория Ивановна Харабаева, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – «Языки народов Российской Федерации (якутский язык)».

Главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук,

доктор филологических наук
Шамина Людмила Алексеевна

630090, г. Новосибирск,
ул. академика Николаева, 8
Тел./факс: (383) 330-15-18
shamina_la@mail.ru

